

ФОЛЬКОРНАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ МАСТРЮКОВОЙ «ТИХИЕ ГОСТИ»

Аннотация. В статье анализируется фольклорная составляющая фолк-фэнтези романа Татьяны Мастрюковой «Тихие гости» с привлечением теоретических исследований ведущих специалистов в области фольклористики: В.Я. Проппа, Д.К. Зеленина, Е.Е. Левкиевской и др. В статье рассматриваются бинарные оппозиции: «свой-чужой», «живое-мертвое», которые организуют повествовательную структуру романа. В исследовании используются методы структурно-семиотического анализа. Статья вносит вклад в изучение рецепции фольклора в современной прозе.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, «свой-чужой», «живое-мертвое», граница.

Сюжет романа «Тихие гости» заключается в том, что во время зимних каникул лучшие подружки – Лера, Соня и Аня – отправляются в деревню Шилиханово, чтобы отдохнуть от родителей и города, однако сталкиваются со сверхъестественными и необъяснимыми явлениями и пытаются с ними взаимодействовать. Повествование строится вокруг святочного времени, которое традиционно связано с сезонным вымиранием и пустотой. Святочное время также обуславливает появление главных антагонистов романа. Автор всячески подчеркивает безжизненность: «безлюдный пейзаж» [4, с. 18], «в основном стояла оглушающая тишина» [4, с. 17] и др. Фон указывает на невозможность жизни внутри деревни, в чем мы убедимся далее.

Пространство романа выстраивается через бинарные оппозиции. По схеме «свой-чужой» работают следующие оппозиции: «город-деревня», «местные-приезжие», «дача-улица». «Чужое» принципиально отличается от своего, неоднократно подчеркивается пустота и безжизненность деревни: «Шилиханово выглядело совсем тихим и даже вымершим» [4, с. 22]. Оно является замкнутой структурой, поэтому главные героини осмысляются как неестественный и чужеродный элемент: «Эти дома не ждут тебя» [4, с. 19]. «Чужое» отделено лесом, который согласуется с функционалом «задерживающей преграды» [5, с. 57], поскольку удерживает героинь внутри деревни и напоминает буфер: «Одно было плохо: почему-то совершенно пропала сотовая связь, а вместе с ней и интернет» [4, с. 34]. Лес напоминает сказочный: он всячески «запутывает» героинь. Дача – пространство, которое освоено от «чужого» до «своего» с помощью ряда деталей. Во-первых, дачная печь – единственная рабочая в деревне: «аромат горящих полешек перебил неприятный запах зимней дачи» [4, с. 51]. Во-вторых, реализуется оппозиция «замкнутое-открытое» с помощью порога-границы. Интересно отметить, что по вертикали главная часть дома осваивается как «свое», а подвал и чердак – как «чужое», о чем свидетельствует появление нечисти. В-третьих, Анисимовна, местная жительница, регулярно указывает на исключение дачи из деревенского порядка после покупки городскими: «А зацвел колодец, мол, только после покупки участка Леркиным папой» [4, с. 25]. Важная роль в пространственной организации принадлежит местному озеру и колодцу. Озеро также участвует в вертикальной оппозиции

«свой-чужой»: «наземное-подводное». Именно в подводном локализуются местные антагонисты: «*подо льдом были толчки, будто наружу пытались пробраться замерзшие утопленники*» [4, с. 171]. Озеро также является сакральным для местных жителей, на нем гадают: «*На икуру нетели сели, железом очертились, <...> потащили их. Ага, в прорубь*» [4, с. 177]. Колодец притягивает местных и отталкивает городских: «*Анисимовна по неизвестным причинам постоянно подбивает городских использовать воду из этого колодца в качестве питьевой*» [4, с. 25]. Колодец традиционно восходит к символике входа в царство мертвых, что реализуется в романе: через него на участок проникает нечисть. Наблюдается сакрализация источников воды.

Действующих лиц романа можно поделить по оппозиции «живое-мертвое». Стоит сказать, что мертвое маркируется через образ калитки: «*на человеке скрипит, а на нечистом – молчит*» [4, с. 39]. Так называемые индикаторы нечисти представлены в нескольких вариантах: водой и псом. Так, при появлении в доме нечисти чистая вода тут же стухает и портится, а пес начинает громко лаять и защищать главных героинь, даже если нет видимых на то причин: «*Пес, как нарочно, не дал нам даже приблизиться к криксинскому участку*» [4, с. 51]. Информация о мертвых содержится в рассказе в нескольких местах. Так, в рамках романа реализуются рамочные рассказы «Стопка на растопку». Своим строением они напоминают былички – рассказы о встрече с нечистой, сверхъестественной силой. Рассказы практически не пересекаются с основной линией повествования и напоминают своеобразный бестиарий, поскольку объясняют читателю, как стоит вести себя с нечистой силой и как ее распознать. Также о мертвых рассказывает Анисимовна. Составляется образ заложных покойников. Исследователем Д. К. Зелениным дается следующее определение: «*Заложные покойники доживают за гробом свой век, т. е. положенный им при рождении срок жизни*» [2, с. 42]. Заложным является дядя Гена: девочки замечают, что он странно разговаривает, пятится спиной к выходу; когда он выходит, не скрипит калитка. Пес Вадимка – воплотившаяся душа местного колдуна, «*доживающая за гробом иной срок – срок своего договора с чертом*» [2, с. 43]. Об этом позволяет догадаться диалог двух бабушек, которые обсуждали некоего Вадима, занимавшегося чернокнижием и сгинувшего в лесу накануне ухода в армию. Они делают предположение, что Вадимка стал заложным, что в дальнейшем разыгрывается в тексте. Отчасти пес Вадимка также согласуется с функциями фамильяра.

Наиболее ярким является образ Анисимовны. Заложным покойником она не является: нам сообщают, что в начале зимы ее забрали в город. Отчасти Анисимовна напоминает международную ягу, поскольку она описывается через элемент разложения: неприятный запах и ощущение мертвечины. В чем-то она схожа и с «ягой-дарительницей» [5, с. 70], когда помогает девочкам своими советами. Анисимовна – ключевая фигура «мертвого» мира, которая выступает его хранительницей.

Главным представителем «мертвого» в романе являются шуликуны, рождественско-святочные персонажи. Согласно «Очеркам русской мифологии», так «*называют маленьких человечков, стайками появляющихся на Святки, всячески вредящих людям и исчезающих с окончанием этого периода*» [3, с. 265]. Локализуются шуликуны в местном озере; «*изо рта вырывалось пламя*» [4, с. 209], «*низенький, серый*» [4, с. 85], «*в дурацких шапках, похожих на шлемы*» [4, с. 176], «*человечек в тулупе*» [4, с. 86] и др., ходят «*зигзагами*» [4, с. 206], «*на цыпочках*» [4, с. 206].

Они обладают вредительской функцией: наводят морок, дурачат и запугивают. Так, функционал шуликунов из быличек совпадает с функционалом шуликунов из романа.

В заключение можно добавить, что девочки по сути проходят лиминальный обряд: они попадают в мир «мертвого» путем побега от родителей в пубертатном возрасте, что напоминает сказочную инициацию. Таким образом, роман «Тихие гости» Татьяны Мاستрюковой использует былички, способы построения пространства, персонажей и образы, характерные для русского фольклора.

Литература

1. Дьячкова И.Н, Ширинова А.А, Тимановская И.А. Порог в русской культурно-языковой традиции // Северные гуманитарные исследования. 2022. № 1. С. 21–28.
2. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки / вступ. ст. Н. И. Толстого; подгот. текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. М.: Индрик, 1995. 432 с.
3. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: АСТ, 2000. 528 с.
4. Мастрюкова Т. Тихие гости: роман. М.: РОСМЭН, 2024. 256 с.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 368 с.